

Е. Курилович считает, что среди классифицирующих категорий ближайшей к акту речи является категория «одушевленности — неодушевленности» в вопросительных местоимениях, типа русск. кто — что, англ. who — what, которые в таком случае и составили бы в предлагаемой нами схеме первичный аппарат номинативной функции. Против такой трактовки свидетельствует, по-видимому, то, что эти местоимения не являются характерными знаками и не осуществляют акт номинации. Но многое говорит и в ее пользу: вопросительные местоимения различаются по этой категории часто даже в тех языках, где категория рода в именах существительных отсутствует, например, в английском. Поскольку первичный аппарат каждой функции должен, видимо, присутствовать в языке всегда или, по крайней мере, постоянно регенерироваться, а категории «одушевленности — неодушевленности», и «личности — неличности», принадлежат к регенерирующимся, то идея Е. Куриловича до некоторой степени отвечает этому теоретическому требованию.

Но, с другой стороны, тому же теоретическому требованию может удовлетворить и совершенно иное положение, согласно которому связь между понятием «человек» и номинацией объектов совершается при посредстве личных имен. Действительно, имена лиц являются абсолютной универсалией (этот класс имен есть в любом языке), и, вероятно, во всех языках есть личные имена, могущие быть только именами мужчин, и личные имена, могущие быть только именами женщин¹⁶.

Гипотеза Е. Куриловича и наша являются, возможно, взаимоисключающими, но в настоящее время отдать предпочтение какой-либо из них трудно.

Исходя из положения Е. Куриловича, следовало бы, далее, признать ближайшей транспозицией номинативной функции в индоевропейских языках их грамматические роды (одушевленный — неодушевленный; мужской — женский — средний). Исходя из нашего положения, следовало бы признать ближайшей транспозицией номинативной функции не роды, а разнооформленные суффиксальные разряды существительных: имена деятеля и инструмента (с показателями русск. *-тель*, англ. *-er*, франц. *-eur* и т. п.), имена действия (с показателями русск. *-ение*, *-ание*, англ. *-ing*, *-ment*, франц. *-ment* и т. п.), имена качества (с показателями русск. *-ость*, *-мость*, англ. *-ness*, франц. *-tion*) и т. п. Эта именная классификация сохраняется в своих основах неизменной на протяжении всего известного периода существования индоевропейских языков, в то время как роды претерпевают довольно быстрые изменения и во многих языках исчезают совсем. Естественно предположить, что роды детерминированы суффиксальными или префиксальными (как в языках банту) разрядами существительных, а не наоборот. Таким образом, выдвигаемое здесь положение ведет, по-видимому, к пересмотру родовой теории Мейе — Ельмслева, что, конечно, выходит за рамки настоящей статьи¹⁷.

О более непосредственной близости суффиксальных классов к категории «человек» свидетельствует и ряд синтаксических моментов. В норме с именами собственными лиц могут сочетаться существительные всех трех

¹⁶ См. подробнее: Степанов Ю. С. От имени лица к имени вещи. В сб.: Общее и романское языкознание. М., 1972; Степанова Л. Н. Категория рода и лексические дублеты в испанском языке. Автор. канд. дис. М., 1972.

¹⁷ Идея о возникновении грамматических родов на основе формальных (т. е. суффиксальных и префиксальных) классов, а не на чисто семантической [основе высказывается в последнее время и исследователями языков банту.] См. A l e x a n d r e P. Le bantu et ses limites. — Le Langage. Encyclopédie de la Pléiade. Paris, 1968, p. 1397; Т. В. Булыгина отмечает, что в современном [литовском языке роды имеют тенденцию отождествляться с морфологическим типом склонения. См. Булыгина Т. В. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке (в его письменной форме). В сб.: Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970, стр. 28—31.